

Тянь Мими стояла к нему спиной, и ее выражение было трудно разгадать, но когда она увидела, что Не Фэйлуань смотрит на нее с беспокойством, ее тревога исчезла, и она улыбнулась ей. Только тогда стало видно, что это была очаровательная девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Однако, прежде чем сделать шаг, она тихо сказала стоявшему перед ней Сяо Шанли:

— Ваше Высочество наконец-то начало называть себя «одиноким». Но я на самом деле не хочу, чтобы Ваше Высочество называло себя так. Мы оба родились в императорской семье и видели достаточно. Как только начинаешь называть себя «одиноким», действительно становишься одиноким.

Она взяла Не Фэйлуань с собой, и они сели в повозку. Сяо Шанли стоял в пыли, а Су Цы нахмурилась:

— Ваше Высочество...

Сяо Шанли вспомнил ту ночь, когда они плыли на лодке по пруду Тайе, и Лэ Юй называл его детским именем. Тогда он чувствовал тепло, но теперь оно сменилось холодом. Он сказал:

— Он все еще в столице! Ищите!

Инь Усяо покачал головой и, с трудом подойдя, сказал:

— Возможно, слуги из Гильдии морской торговли правы, и Лэ Юй уехал три дня назад.

Сяо Шанли почувствовал еще больший холод. В ту ночь, когда они пили вино при свете серебряных ламп, его губы скользили по его груди и шее. Он обещал уехать через пять дней, но прошло всего три... Сяо Шанли холодно сказал:

— Даже если он нарушил свое обещание, как он мог уехать, не получив противоядия от «Тоски»?

Инь Усяо вдруг странно посмотрел и, подумав, сказал:

— Возможно, именно так. Возможно... он вообще не хотел противоядия. Хотя Ваше Высочество приказало мне задержать его на три дня, Лэ Юй даже не попросил у меня противоядия.

Он предпочел страдать от тоски, чтобы уехать — он мог уехать, но предпочел нарушить свое обещание мне, чтобы страдать от тоски? Сяо Шанли почувствовал смесь любви и ненависти. Вскоре еще один всадник в черных доспехах примчался на полном скаку, соскочил с лошади и, опустившись на колени, доложил:

— Ваше Высочество, в Гильдии морской торговли есть здание, на печати которого... прошу прощения! На печати написано «Лично для наследного принца Южной Чу»! Мы не осмелились открыть его и сразу же доложили!

Это было здание у воды, просторное и высокое, должно быть, ранее использовалось как

кабинет, но многие книги и картины были убраны, и теперь оно было пустым, подходящим для медитации. На стенах виднелись следы, словно от случайных ударов меча.

В центре стояло сиденье, на котором лежала деревянная шкатулка с рельефным изображением гор на море. Солдаты стояли на страже снаружи, и Сяо Шанли остался один в комнате. Он открыл шкатулку, внутри которой был медный флакон с гелем Застывшего Сияния, который Лэ Юй дарил ему раньше, а на дне лежали цветы граната, которые через два-три дня потеряли свою свежесть и стали темно-красными, как коралл.

Он оставил гель, потому что его красота была столь велика, что он заботился даже о шраме на лбу, и, даже если рана зажила, он хотел использовать больше лекарств, чтобы сделать шрам более гладким. Он оставил цветы граната, потому что в ту ночь он использовал свое тело как сосуд для вина, чтобы Лэ Юй попробовал вино из гранатовых цветов. Та ночь была полна страсти и красоты, и он никогда ее не забудет.

Затем было письмо, написанное скорописью, как будто на бумаге бушевали дикие волны, и оно гласило: «В день, когда Ваше Высочество прочитает это письмо, я, Лэ, человек из мира рек и озер, уже вернулся в мир рек и озер. Остров Пэнлай имеет небольшое имущество в Южной Чу, более ста магазинов и четыреста слуг. Документы и договоры прилагаются. Пусть это будет подарком от Гильдии морской торговли Южной Чу в честь вступления Вашего Высочества на престол наследного принца.»

Сяо Шанли сжал лист бумаги, его пальцы дрожали, хотя он этого не замечал. Он шатаясь подошел к двери здания, и солдаты, сложив руки в поклоне, спросили:

— Ваше Высочество, нужно ли продолжать поиски?

Он едва сдержал слезы и сказал:

— Нет необходимости.

За пределами здания стояли сотни стражей, их мечи сверкали, как снег. Он шел и говорил:

— Все отступите, больше нет необходимости. Как только хозяин острова Пэнлай покинул Цзиньцин, он словно дракон, ушедший в море, или тигр, вернувшийся в горы...

А в тысяче ли отсюда, в городе Лянчэн, Павильон Весеннего Дождя простирался на многие здания, занавески развевались на ветру, и цветы были пышными, создавая атмосферу богатства и уюта. У терема Ласточек молодой человек с изящной внешностью, как жемчужина или нефрит, лежал в кресле, улыбаясь и наслаждаясь летним пейзажем.

Вдруг раздался грохот колокольчиков, и он резко открыл глаза. Красивая женщина в фиолетовом платье помогла ему сесть, и служанка радостно доложила:

— Хозяин, это не наш голубь, а чужой...

Другой голос удивленно сказал:

— Но на этой птице тоже есть записка, и на ней написано «Лично для Гу Фако»! Какой смелый, осмелился назвать хозяина по имени!

Тэнъи, увидев его выражение, уже поняла, в чем дело. Вскоре фиолетовая тень мелькнула, и она принесла записку, не позволяя ему двигаться, чтобы он мог прочитать ее, сидя в кресле.

Это действительно было письмо от Лэ Юя. В столице еще не было новостей, но Гу Сань, увидев его письмо, уже понял, что сегодняшняя засада провалилась. Но, прочитав записку, он так рассердился, что начал кашлять. Тэнъи поспешила похлопать его по спине, но он попросил ее помочь ему встать и, шатаясь, подошел к стене.

На стене висело стихотворение «Весенний дождь», написанное Лэ Юем для него. Третий молодой господин Гу, обычно красноречивый, когда злился, мог ругаться только словами «мерзавец».

Гу Фако сердито сказал:

— Мерзавец! Мерзавец! Я думал, почему он так любезно предложил мне магазины в обмен на зерно для помощи голодающим, а теперь он отдал все магазины, которые должен был отдать мне! Я тогда поверил ему и не заставил его сразу же отдать мне документы на землю!

Он уже перешел на сторону Сяо Шанли, и теперь не мог соперничать с наследным принцем за прибыль, и ему пришлось бы молча наблюдать, как наследный принц забирает магазины в области Чжэчжоу в свою казну.

Более того, Павильон Весеннего Дождя и Гильдия морской торговли Южной Чу уже сотрудничали в закупке шелка, а теперь он ушел, и бизнес по производству шелка в этом году... Тэнъи стояла рядом, слегка хмурясь, наблюдая за Гу Фако. Если бы он не был так слаб, он бы точно что-нибудь разбил, но, выругавшись несколько раз «мерзавец», он вдруг рассмеялся, глядя на стихотворение.

Она удивилась и взяла записку, но увидела две последние строки:

«...Ваша манера поведения редка в этом мире, и наше прощание было подобно весеннему дождю. Я предполагаю, что теперь, когда ситуация изменилась, вы, должно быть, колеблетесь... так что позвольте мне сделать первый ход, используя мир рек и озер Южной Чу как доску, а судьбу — как судью. Ход сделан, и назад пути нет...»

Тэнъи нахмурила брови:

— Хочешь, чтобы я...

Гу Фако улыбнулся:

— Еще рано — время не пришло.

Он посмотрел на стихотворение и вздохнул:

— Лэ Юй, Лэ Юй, ты заставил меня потерять более двух миллионов монет — хотя для меня это и болезненно, но я могу это пережить. Если бы не ты, в мире рек и озер Южной Чу, пожалуй, не было бы никого, кто мог бы со мной сравниться... Но если бы тебя действительно не было, и мне не с кем было бы соперничать, моя жизнь, Гу Фако, была бы слишком скучной.

Он взял Тэнъи за руку и посмотрел вдаль. От Цзиньцзина до Лянчэна, от высот власти до далекого мира рек и озер, сколько еще великих событий произойдет в этом мире. Но иметь любимую жену, с которой можно быть вместе в любви и спокойствии, значит, что даже участие в великих событиях мира становится обычным делом.

Верхняя часть — завершена.

Десять дней спустя.

Здание стояло у воды, луна поднялась, и огни зажглись ярко. На четырех углах здания зажглись фейерверки, и вода на мгновение заиграла всеми цветами радуги. Сяо Шанли, держась за перила, поднялся по лестнице и прошел по внешнему коридору, пока не оказался перед дверью, похожей на кабинет. Это место уже было таким же роскошным, как и до того, как его покинули, прошло десять дней и ночей, но он все еще помнил, что, когда он ворвался внутрь, в кабинете была только одна шкатулка.

На этот раз, однако, он увидел Лэ Юя, стоящего посреди пустоты. Он отшатнулся и повернулся, чтобы уйти. В коридоре раздались шаги, но, спускаясь по лестнице, он оступился и упал в объятия Лэ Юя.

Внизу лежал толстый ковер, весь красный и плотный. Вскоре одежда начала спадать, и Сяо Шанли поднял лицо, полное страсти, а рука с легкими мозолями уже сжимала его между ног.

Лэ Юй выглядел величественно, его глаза полны любви, но Сяо Шанли сжал его рукав и не мог смотреть на него. Он бросил меня, а я вижу его во сне и уже готов заняться с ним этим. При этой мысли его ресницы задрожали, щеки покраснели, и слезы потекли по его лицу.

Но Лэ Юй погладил его лицо и спросил:

— Почему ты плачешь?

Его голос, звучащий тихо, вибрировал в его груди. Затем он опустил голову и, все еще соединенный с ним, начал целовать его слезы, проводя языком по уголкам его глаз.